

Luis Beltrán Almería

Universidad de Zaragoza, Zaragoza, España

✉ lbeltran@unizar.es

DOI 10.25205/978-5-4437-1247-5-42-47

Луис Бельтран Альмерия

Университет Сарагосы, Сарагоса, Испания

✉ lbeltran@unizar.es

DOI 10.25205/978-5-4437-1247-5-42-47

LECTURAS DE DOSTOIEVSKI

La interpretación de la obra de Dostoievski es uno de los grandes retos de la crítica literaria moderna. No es casual. Así sucede con todos los grandes autores literarios: desde Homero y Aristófanes a Kafka o Th. Mann, pasando por Cervantes, Shakespeare o Goethe. En la crítica eslava Shklovski, Bajtín y Meletinski son hitos en el gran debate que suscita Dostoievski. Ese gran debate encalla ante los límites de la crítica moderna. La crítica española también ha tenido un capítulo para las lecturas de Dostoievski. José Ortega y Gasset, José Bergamín y Mariano Baquero Goyanes dedicaron páginas memorables al novelista ruso.

Esas lecturas se debaten entre interpretar la obra de Dostoievski en clave ideológica o buscar otros registros. Esos otros registros caben dentro de lo que llamamos *estética*, aunque, como veremos, se suele entender cosas muy distintas por tal concepto. La solución más socorrida ha consistido en buscar un lugar común: el realismo de Dostoievski.

Si nos fijamos en la teoría acerca del realismo dos argumentaciones merecen ser contempladas como prioritarias. La primera es la teoría del reflejo o de lo típico, cuyo fundamento aparece en la obra de W. Dilthey y que difundió György Lukács. La otra es una consideración que aparece en la obra de Bajtín y que ha tenido una amplia difusión en la crítica antes y después de Bajtín: el peso del material histórico

ДОСТОЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Интерпретация творчества Достоевского — одна из важнейших задач современной литературной критики. Это не случайно. Так обстоит дело со всеми великими литературными авторами: от Гомера и Аристофана до Кафки или Томаса Манна, а также Сервантеса, Шекспира или Гете. Среди славянистов заслуживают внимание такие столпы литературной критики, такие участники великой полемики вокруг творчества Достоевского, как Шкловский, Бахтин и Мелетинский. Для масштаба этой дискуссии тесны рамки современной критики. В испанском литературоведении тоже есть место для Достоевского. Хосе Ортега-и-Гассет, Хосе Бергамин и Мариано Бакеро Гоянес посвятили русскому писателю свои незабываемые страницы.

В настоящих чтениях споры идут между интерпретацией творчества Достоевского в идеологическом ключе и поиском других толкований. Эти другие толкования вписываются в рамки того, что мы называем эстетикой, хотя, как мы увидим, под такой концепцией обычно понимаются совершенно различные вещи. Самым подходящим решением было найти точку соприкосновения, которой как раз является реализм Достоевского.

Если мы обратимся к теории реализма, два аргумента заслуживают того, чтобы считаться приоритетными. Первый — это теория от-

© Л. Бельтран Альмерия, 2021

do, se ha apreciado en la *Comedia humana* de Balzac, en los *Episodios nacionales* de Galdós o en la lección histórica que Dickens dispone en su *Historia de dos ciudades*. Cabe preguntarse, sin entrar en mayores precisiones, acerca de esa sensibilidad que ha llevado a decir que la novela realista es la historia privada de las naciones, si esa historia privada (explícita e implícita) está también presente en las grandes novelas de Dostoievski. Las novelas de Dostoievski están imbuidas, como casi todas las novelas del siglo XIX, de cierta dimensión histórica general. “Estamos ligados a nuestro pasado histórico y a la humanidad universal” solía decir. Ciertos personajes dostoievskianos están inspirados en la historia cultural rusa: el hombre superfluo, el nihilista, el hombre subterráneo y el hombre positivo y revolucionario. Pero si subimos un poco el nivel de exigencia podemos llegar a la conclusión de que ese material de referencias históricas concretas está tan ausente de sus novelas como ocurre también con otras novelas de Dickens (salvo en la mencionada *Historia de dos ciudades*) o con las novelas de Galdós a partir de *Miau*, por poner sendos ejemplos. No es ese historicismo cronológico un atributo de las novelas de Dostoievski, pues no se aproximan al género de la novela de educación histórica, representado por *Historia de dos ciudades* o los *Episodios nacionales*.

Con los argumentos expuestos hasta aquí podemos extraer una primera conclusión. No se trata tanto de que Dostoievski sea un realista o deje de serlo, sino que esta categoría es inapropiada para definir la estética de Dostoievski, aun siquiera como punto de partida. Vaya por delante nuestra opinión de que Dostoievski no es un antirrealista. Pero tampoco se trata de elegir entre dos conceptos inadecuados el menos inadecuado. La pretensión dostoievskiana de trascender el realismo merece una formulación más precisa.

другие политические события тех лет, некоторые автобиографические материалы и глубокий анализ политической ситуации: красный и черный символизируют народный демократический дух и реакционный характер политики землевладельцев и церкви соответственно. Подобное восприятие исторической реальности как в ситуативном, так и в глобальном понимании, было отражено в «Человеческой комедии» Бальзака, в «Национальных эпизодах» Гальдоса или в историческом уроке, который Диккенс преподносит в «Повести о двух городах». Не вдаваясь в излишние подробности, стоит задаться вопросом относительно того восприятия, которое привело к утверждению, что реалистический роман — это частная история народов, и попытаться разобраться, присутствует ли эта частная история, явно или неявно, также в великих романах Достоевского. Романы Достоевского, как и почти все романы XIX в., пронизаны определенным общеисторическим духом эпохи. «Мы связаны с нашим историческим прошлым и со всем человечеством», — говорил он. Некоторые персонажи Достоевского написаны под влиянием истории русской культуры: лишний человек, нигилист, человек из низов общества, положительный человек и революционер. Однако, если присмотреться поближе, мы можем сделать вывод, что отсылки к конкретному историческому материалу отсутствуют в его романах, как и в романах Диккенса, кроме упомянутой выше «Повести о двух городах», или в романах Гальдоса, начиная с «Мяу» (ограничимся этими двумя примерами). Этот хронологический историзм не является атрибутом романов Достоевского, так как они не соответствуют жанру историко-просветительского романа, примерами которого являются «Повесть о двух городах» или «Национальные эпизоды».

На основании представленных аргументов мы можем сделать первый вывод. Дело не столько в том, является ли Достоевский реалистом или нет, сколько в том, что эта категория не подходит для определения эстетики Достоевского по крайней мере в качестве отправной точки. Развивая эту мысль, скажем, что Достоевский не антиреалист. Но это не вопрос выбора наименее неподходящей концепции из двух неподходящих. Стремление Достоевского выйти за рамки реализма заслуживает более точной формулировки.